

Хорошая новость: в игре оказался авторежим. Наконец-то можно было прокрутить скучный младенческий период.

Плохая новость: посреди этой перемотки он умудрился заболеть, причём тяжело.

Здоровьем это тело не отличалось, то и дело подхватывая какую-нибудь заразу. К счастью, до сих пор всё обходилось. Его новоявленный старший брат, Дзин Куросава, за это время успел прокачать базовые навыки сиделки, так что уход за ребёнком не составлял для него труда.

Однако в этот раз болезнь навалилась с пугающей силой. Шестилетний А-Эр метался в бреду, содрогаясь от озноба и тихо хрипя.

Вообще-то к боли он был привычен ещё с прошлой жизни — эта стойкость въелась глубоко в его душу.

Но сейчас сдерживать рвущийся наружу свистящий, тяжёлый хрип было выше его сил.

Тело будто разбирали по суставам, жилы выкручивало наизнанку. Боль доводила до безумия. Спасаясь от мук, заставлявших молить о скорой смерти, А-Эр пытался отвлечься: болтал в мыслях с Системой и цеплялся за любые посторонние образы.

Дзин дал ему лекарство. С детской дозировкой нужно было осторожничать, поэтому много давать он не решался. Снадобья, оставленные отцом, мальчик предварительно изучил вдоль и поперёк, внимательно прочитав каждую инструкцию, и лишь потом рискнул напоить бьющегося в жару А-Эра.

Лихорадка ненадолго отступила, но вскоре навалилась с новой силой.

Глядя, как мучается обычно тихий и незаметный А-Эр, Дзин понял, что его средства исчерпаны. Нехотя он подошёл к домашнему телефону и набрал номер отца.

Но Сиро всегда был по горло в делах. Этот безумец мог по трое суток сидеть неподвижно в одной точке, не смыкая глаз и отслеживая очередную цель, чтобы в нужный миг оборвать её жизнь. Дозвониться до него бывало почти невозможно.

На заданиях отец всегда отключал телефон. Если у Того Господина и возникали срочные поручения, он отправлял к нему посыльных.

Лодки или катера, чтобы выбраться с острова, у них не было. Да и будь они под рукой, везти тяжелобольного малыша по воде в поисках врача было бы чистым безумием.

Дзин готов был опустить руки.

По меркам малолетних киллеров он уже вошёл в тот возраст, когда пора приступать к серьёзной работе. Отец со дня на день должен был забрать его на тренировочную базу Организации. К этому моменту миссия по выращиванию младшего брата была бы завершена безупречно.

Кто же знал, что под конец случится такая глупость.

Впрочем, винить его не в чем — против внезапной лихорадки он бессилен.

Это просто несчастный случай.

Да и задание это он никогда не любил. То, что он уберёт сопляка от смерти в младенчестве и довёл до шести лет, уже доказывало его незаурядное терпение и превосходные навыки.

И всё же врождённый перфекционизм не давал ему покоя. Смириться с тем, что идеальный отчёт погубит нелепая случайность на самом пороге финала? Принять поражение? Нет, это слишком сильно било по его гордости.

Несмотря на юные годы, Дзин носил длинные, гладкие серебряные волосы. Дети редко соглашались на такую обузу, тем более что заботиться о причёске Дзину приходилось самому — у него не было любящей матери, готовой распутывать колтуны.

И всё же он упорно отращивал косу, со всей тщательностью ухаживая за ней.

Эта причуда уходила корнями в его представление о прекрасном, перенятое у отца.

Сиро Куросава тоже носил длинные волосы. С точки зрения ремесла это казалось нелепостью: наёмник обязан сливаться с толпой и не привлекать лишнего внимания.

Резкие европейские черты лица Сиро и без того бросались в глаза, а серебристая шевелюра, которую унаследовал и Дзин, делала его фигуру вызывающе заметной.

Однако отец ухитрился оставаться невидимкой. Он растворялся во мраке, безжалостно разил жертв, и при этом ни одна капля чужой крови не пачкала его холёных волос.

До того как оказаться запертым на этом острове наедине с пищущим свёртком, Дзин тенью следовал за отцом, заворожённо наблюдая за тем, как тот несёт смерть.

Лишённый способности сопереживать, Дзин не испытывал к Сиро сыновней нежности или слепого обожания. В его глазах отец был лишь тем, кто обеспечивал его кровом и выдавал новые задания.

И всё же дети всегда подражают старшим — хотят они того или нет. Привычки отца сформировали вкус мальчика, предопределив его выбор в пользу длинных локонов.

Он мечтал о дне, когда сможет так же изящно скользить сквозь сталь и пламя, забирая чужие жизни под брызги алой крови, но оставаясь безупречно чистым. Только тогда он назовёт себя настоящим мастером.

Именно поэтому он не желал допускать осечек в своём первом деле. Младший брат должен выжить. Любой ценой.

Намочив полотенце в тёплой воде, Дзин принялся осторожно обтирать бьющегося в бреду брата. Старался действовать как можно нежнее, но А-Эр всё равно болезненно вздрагивал от каждого прикосновения.

А-Эр уставился на него своим обычным блёклым, отсутствующим взором. Дзин изучил повадки этого существа настолько хорошо, что понимал каждое движение ресниц. Вот и сейчас мелкий, похоже, просто ушёл в себя.

А-Эр заговорил рано, и его первым словом было короткое «брат». Однако долгих бесед они никогда не вели.

Дзин не видел в нём равного себе собеседника. А-Эр был его собственностью, личной вещью, послушным питомцем, чьи повадки он выучил наизусть, словно страницы настольной книги.

Лишь спустя год после того, как малец научился изъясняться, Дзин внезапно поймал себя на мысли, что у того до сих пор нет имени.

Просить об этом отца ему даже в голову не пришло. В конце концов, растил мальчишку он сам, а значит, и право наречь его принадлежало только ему.

Общепринятая мораль и семейные устои были Дзину чужды. Разумеется, он прекрасно знал о правилах приличия из книг, телепередач и интернета, но это не означало, что он собирался им подчиняться.

Делиться своим правом с Сиро он точно не собирался, хотя и ломать голову над красивым именем тоже не стал. Имя — всего лишь ярлык. Без разницы, как называть мальчишку.

Главное — помнить, что этот ребёнок принадлежит ему. Его проект, его обязанность, его личная вещь.

Не мудрствуя лукаво, он назвал его Кагэ. Кагэ Куросава.

Тот безмолвно принял новое имя.

Дзин перевёл взгляд на хрипящего брата. Тот изгибался от судорог, и смотреть на это зрелище было невыносимо.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Дзин.

Всё необходимое он уже сделал: укутал больного потеплее, но так, чтобы не задушить жаром, припас тёплое питьё, вытер липкий пот. Дальнейшее зависело от воли самого Кагэ.

Мальчик судорожно ловил ртом воздух, силясь протолкнуть его в лёгкие.

— Руку... — едва слышно прошептал он.

— Руку?

— Ты можешь... — Кагэ запнулся. Хриплый голос сорвался. По его щекам катились слёзы, вызванные безумным жаром и болью. Дзин потянулся утереть их, но капля, скользящая на его палец, оказалась настолько горячей, что он невольно отдернул ладонь. Малыш тяжело вздохнул и закончил: — Возьми меня за руку.

Обычно Кагэ переносил страдания молча, забившись в угол. Но когда тело ломало так невыносимо, простое тепло чужой ладони дарило слабую иллюзию облегчения.

Помедлив, Дзин молча сжал его пальцы в своей руке.

Между их ладонями потекло живое, успокаивающее тепло.

Дзин не переносил прикосновений. Даже с отцом, за которым он таскался до семи лет, они никогда не обнимались. Сиро хватал его руками только в те моменты, когда нужно было выдернуть глупого щенка из-под смертельного удара.

Любой тактильный контакт казался ему чем-то противоестественным, будто на кожу сажали склизкую гусеницу.

Но к Кагэ это правило не относилось. Нянчась с грудным младенцем, Дзин перетрогал его столько раз, что напрочь лишился былой брезгливости.

Дистанционно растить детей человечество пока не научилось.

Так что подержать мелкого за руку было пустяком — Дзину не раз приходилось укладывать

бредящего младенца к себе на грудь, чтобы тот наконец затих.

Кагэ изо всех сил вцепился в его пальцы. Хватка у больного ребёнка оказалась на удивление крепкой, почти судорожной. Дзин поморщился, но руку убирать не стал.

— Поговори со мной, — прошептал Кагэ, не открывая глаз.

Ему отчаянно требовалось за что-то уцепиться, чтобы заглушить терзавшую плоть боль. Искин Системы мог развлечь беседой, но он оставался бездушной машиной, у которой не было тёплого плеча, к которому можно прижаться.

В обычные дни искусственного интеллекта хватало с головой, но сейчас, на грани бреда, Кагэ безумно нуждался в ком-то живом.

Дзин растерялся. Родственники часто не знают, о чём говорить друг с другом — за банальными расспросами о погоде и быте обычно скрывается зияющая пустота. А эти двое были сотканы из иных материй. Два аномальных существа, у которых не имелось даже общего быта, способного сблизить обычных людей.

Тут Дзин припомнил собственную болезнь. Разумеется, он не был сделан из кремния и стали — лихорадка валила с ног и его. Тогда отец повёл себя на редкость странно. Сиро смотрел на сына с каким-то изумлением, словно только что заметил, что перед ним живой человек из плоти и крови, или пытался разглядеть в его лице призрак из прошлого.

Тот короткий вечер стал единственным проблеском тепла в их суровом сосуществовании.

Тогда Сиро рассказал ему легенду о дерзком Икаресе, взлетевшем слишком близко к солнцу и рухнувшем в морскую бездну.

И теперь Дзин решил пересказать её младшему брату.

Историю об Икаресе Кагэ знал наизусть ещё по прошлому миру, так что сюжет его не увлёк. Изнемогая от жара, он просто молча вглядывался в бледное лицо брата, ловя каждый звук.

Голос Дзина уже ломался, звуча неровно и хрипло, но именно эта шершавая интонация и родной запах убаюкивали растревоженный разум Кагэ.

Тело помнило эти руки с самых пелёнок. Инстинктивная, слепая привязанность была неизбежна — так же, как неизбежно развилось у Дзина собственническое, болезненное желание полностью контролировать жизнь своего подопечного.

Сплетённые пальцы связывали их крепче любых клятв. Их узы были дикими, уродливыми и

бесконечно далёкими от нормальной братской любви, но именно в этом извращённом союзе Кагэ обретал покой.

— Брат...

— Что?

— Нет, ничего.

Кагэ едва заметно улыбнулся. Ему просто хотелось произнести это слово вслух, убедиться, что он не один в глухой темноте.

Детская плоть была слишком слаба, а немощность всегда будит древние страхи. Стиснутый тисками боли, Кагэ тихо спросил:

— Я умру?

Лицо Дзина осталось бесстрастным, и лишь в глубине тёмно-зелёных глаз промелькнула тревога.

— Не умрёшь. Не сейчас.

Малыш послушно прикрыл веки, безоговорочно принимая этот вердикт.

Дзин вернулся к прерванному рассказу. К тому моменту, когда воск на крыльях Икароса растаял и несчастный юноша камнем рухнул в бушующие волны, Кагэ уже забылся тяжёлым сном.

Дзин коснулся его лба — кожа стала заметно прохладнее. Похоже, кризис миновал, и к утру лихорадка уйдёт совсем.

Он долго сидел над спящим братом. Тот дышал ровно, но выглядел измождённым и прозрачным, словно восковая фигурка.

«А если завтра ему станет хуже?..»

«Если этому недоразумению суждено погибнуть от какой-то нелепой простуды?..»

«Тогда уж пусть он умрёт от моей руки».

«Я подарил ему жизнь на этом острове, я её и заберу».

С этой мыслью пальцы Дзина медленно сомкнулись на тонком детском горлышке.

Сквозь сон почуяв угрозу, Кагэ жалобно застонал и едва заметно шевельнул губами:

—...Брат.

Дзин замер. Оцепенение спало так же быстро, как и нахлынуло. Он убрал руку от шеи мальчишки и бережно смахнул холодную слезу, застывшую на его ресницах.

<http://bllate.org/book/18335/1760529>